

Янь Ци методично набирал землю в игрушечное ведёрко — совсем понемногу, — пока та не сравнялась с краями. Тогда перевернул лопатку и дважды крепко прихлопнул плоской стороной.

Подняв круглую голову, он огляделся, встал и прошёлся туда-сюда, пробуя ногой то один участок, то другой. Только убедившись, что здешняя земля — самая мягкая и влажная, самая подходящая для цветов, — он успокоился. Эту землю он хотел отнести в приют и подарить директору Гао.

Вчера, зайдя в его кабинет, Янь Ци заметил, что один из цветков заметно поник. Учитель Ли объяснила: дело в почве — она неподходящая, нужна земля с удобрениями.

Что такое удобрения, шестилетний Янь Ци понимал смутно. Зато хорошо видел, что цветы здесь, на склоне, растут пышно и здорово. Вот он и принёс ведёрко — набрать земли для увядающего цветка, дать ему последний шанс выжить.

Подхватив ведёрко, он затрусил вниз по склону к воротам приюта. Время было послеобеденное — дети только поднялись после тихого часа и разбрелись по двору. Уже издали он видел, как они вылетают из ворот вразнобой, прыгая на ходу: кто с мячом, кто с машинкой — кто с чем. Во дворе стоял галдёж; дети облепили поседевшего директора Гао и наперебой что-то кричали, подставляя лица солнцу.

Что именно — Янь Ци не расслышал. Да и не интересовало его это.

Он двинулся вдоль стены, держась левее, — туда, где росло старое толстое дерево. Что за дерево — он не знал и не спрашивал директора. Незачем. Лишних слов лучше не говорить.

Иначе чем он лучше тех горлопанов?

Какая разница, что за дерево. Главное — даёт тень. Даёт укрытие. Хорошее дерево.

Янь Ци опустился на маленькую скамеечку под ветвями, поставил ведёрко рядом с ногой, сжал в руке лопатку.

И замер.

Среди детей были постарше него — и крупнее. Они вцепились в полу пиджака директора и ныли, строя умильные рожи. Янь Ци смотрел на это и немного краснел.

Он смотрел на директора Гао и не мог толком понять, что именно чувствует к этому старику.

Нравится — это точно. Иначе зачем ему было беспокоиться об увядающем цветке в его

кабинете?

Янь Ци не любил быть как все. Не то чтобы не хотел — просто понимал: те, кто растворяется в толпе, особого внимания не получают.

Вот и сейчас: вокруг столько детей, а директор Гао никого из них не выделяет. Бормочет своё: «Хорошо-хорошо, расскажу вам — только сядьте как следует и руку поднимайте». И так по кругу.

Скучно.

Янь Ци подпёр голову рукой и из тени наблюдал за детьми — такими же, как он, только другими. В уши вплывал ровный, чуть бархатистый голос директора, читающего по-английски, и Янь Ци, сам не заметив, начал беззвучно повторять вслед за ним.

Он вспомнил про английские книги, которые подарил ему директор, — весь комплект, от детсадовского уровня до уровня средней школы. В основном короткие истории, изредка вопросы с выбором ответа и пропуски для заполнения.

Шесть книг. Каждая сложнее предыдущей — и каждая интереснее.

Янь Ци уже добрался до книги для средней школы. Не сказать, чтобы очень сложно. Ему нравился английский. А ещё больше — слушать, как директор Гао читает вслух.

Тень медленно переползала. Прошло ещё два часа.

Директор закончил читать.

Янь Ци мысленно отсчитал: три, два, один — и щёлкнул пальцами.

Директор Гао поднял голову, обвёл взглядом детей, огляделся — и взгляд его лёг на фигурку под деревом, у левого края двора.

Янь Ци улыбнулся как раз вовремя.

Директор попросил учителя Ли поиграть с детьми, перекинулся с ней парой слов и неторопливо направился к мальчику.

— Опять здесь сидишь?

— Только что пришёл. — Янь Ци поднялся и обтёр грязные ладошки о штаны.

— Ври больше. Я видел, как ты вдоль стены крался.

Директор встал рядом. Его тень накрыла мальчика целиком, скрыв выражение лица.

Быть замеченным тем, кого любишь, — это приятно.

— Что это? — Директор наклонился и посмотрел на ведёрко.

— Земля с холма. — Янь Ци поднял его и протянул. — Хочу пересадить ваш цветок.

— Тот цветок вянет не из-за земли. — Директор Гао тепло потрепал его по голове. — Он просто не создан для горшка.

Янь Ци уставился в своё ведёрко и промолчал. Внутри что-то дёрнулось — захотелось бросить его прямо тут. И почему-то стало немного обидно на учителя Ли.

— Пойдём спустим цветок вниз, — сказал директор и зашагал к зданию.

Янь Ци опустился обратно на скамейку. Солнце уже доставало до него — наполовину. Стало чуть теплее.

Директор Гао вернулся с горшком в руках — нёс бочком, с заметным усилием; потом перехватил горшок одной рукой, другой взял Янь Ци за руку и повёл к холму.

— Где ты брал эту землю?

— Вон там. — Янь Ци кивнул в нужном направлении.

— Давай посадим цветок прямо в холм. Как тебе?

Как тебе? Прекрасно.

Значит, у него будет больше времени побыть рядом с директором, чем у остальных детей.

Он любил этого старика. Добрый, мягкий, с лучиками морщин у глаз, когда смеётся. Но главное — сколько Янь Ци себя помнил, директор Гао был первым человеком, который отнёсся к нему по-доброму. Оттого и значил для него так много.

Можно доверять. Можно опираться.

Вот и сейчас — Янь Ци держал его за руку, иссохшую, почти бескостную под тонкой кожей, но всё равно живую и тёплую.

Обида на учителя Ли сама собой прошла.

Приют стоял на лесной площадке у подножия склона, в тишине. Шума вокруг почти не было.

Холмы катились волнами — то вверх, то вниз. Для нынешнего Янь Ци они казались маленькими, но трудно одолимыми горами.

Дальше, у горизонта, виднелся железный мост — весь в ржавчине, заброшенный. Под ним стремительно текла река; если подойти близко, слышался её торопливый говор.

Однажды Янь Ци всё-таки добрался до моста — тайком. Директор Гао его поймал и надавал по мягкому месту. Это был единственный раз, когда его наказали. После директор сказал, что в реке живёт чудовище, которое ест детей. Некоторые малыши так перепугались, что боялись выходить за ворота, а кое-кто прятался в постели, натянув одеяло на голову.

Янь Ци же хотел своими глазами увидеть это чудовище.

Директор Гао аккуратно вынул цветок из горшка — вместе с корнями, бережно.

Ямку Янь Ци уже вырыл.

Директор осторожно опустил цветок в ямку и принялся подсыпать землю — понемногу, горстями. Потом взял руку Янь Ци и вместе с ним начал похлопывать по нагревшейся на солнце почве.

На душе у Янь Ци было хорошо.

— Директор Гао, вы всегда будете обо мне заботиться?

Директор улыбнулся — светло и без спешки.

— Пока живу — буду.

Янь Ци кивнул. Лучшего ответа он и не ждал. И решил, что нужно это как-то отметить.

Он обнял директора Гао за шею.

Солнце грело спину. Веки тяжелели.

Директор донёс его до спальни на руках, осторожно уложил, укрыл одеялом и потрепал по тёмным мягким волосам.

Янь Ци чуть приоткрыл глаза — взгляд расплывался. Он смотрел, как директор уходит, и снова проваливался в сон.

Он не знал, когда именно заснул. Последнее, что запомнилось, — пересаженный цветок, всё ещё слабый и поникший, и ровные, мерные похлопывания по спине, которыми директор баюкал его.

Янь Ци чувствовал себя счастливым.

Ночью пошёл дождь — громкий, но не ливень.

Янь Ци проснулся. Нехотя сел на кровати, отёрнул занавеску и уставился на косые струи воды.

Он помнил, каким ясным выдался день, когда директор Гао привёл его в приют. Синее небо, несколько белых облаков — мягких и чётких; они отразились в янтарных глазах Янь Ци и больше не забылись. Мысль о том, что больше не придётся удирать от собак по всему городу и рыться в мусорных баках в поисках объедков, переполняла его каким-то трудно называемым ликованием.

Еда сама по себе — не главное. Главное, что он ужасно боялся собак.

До сих пор стоило учителю Ли вывести своего рыжего лабрадора, как Янь Ци мгновенно зеленел.

В приюте у него была своя кровать — с тонким одеялом, на котором вышито его имя. Он не нуждался в компании и не любил шумных сборищ, но здесь ему дали всё это — простые, насыщенные жизнью вещи. Наконец-то что-то похожее на нормальное детство.

Самое раннее воспоминание Янь Ци — как он бежал несколько ли, преследуемый бродячей собакой. Это воспоминание снилось снова и снова; собака была страшнее любого чудовища из рассказов директора Гао.

Но повезло: когда он без сил рухнул у чьих-то ворот, на пороге появился мужчина и поднял его на руки. Этим мужчиной оказался директор Гао.

Янь Ци считал, что ему везёт. Были некрасивые воспоминания — но были и хорошие люди. А самый лучший достался именно ему.

Он вздохнул и усмехнулся краешком рта.

Натянул одеяло, устраиваясь поудобнее. Дождь сделал за него всю работу — цветку воды теперь хватит с лишком. Значит, идти поливать не нужно. А значит, нет повода позвать директора на прогулку по холмам.

Это его немного огорчило. Придётся придумывать что-то другое, чтобы каждый день проводить с директором хоть немного лишнего времени.

Нужно снова что-то планировать — и от этой мысли сон как рукой сняло.

Утром, когда он проснулся, большинство ребят в спальне уже не спали.

Учитель Ли читала им стихи Тан.

Янь Ци потёр глаза, посидел немного в оцепенении, слез с кровати и принялся аккуратно заправлять постель.

Каждый год он получал звание лучшего дежурного в спальне. Ему было всё равно — но грамоты всегда вручал сам директор Гао. А ради его улыбки стоило стараться.

Отойдя уже на несколько шагов, он вспомнил об этом и вернулся поправить одеяло.

Ровный прямоугольник, почти как кусок тофу.

Замороженного тофу.

Проходя мимо учителя Ли, Янь Ци заметил, что уголки её глаз покраснели. Хотел было спросить, но не стал — вокруг толпились дети, никто ничего не замечал. Лезть не в своё дело он не собирался.

Тихо потянул дверь, вышел, тихо прикрыл за собой.

Спальни были на втором этаже, кабинет директора — на третьем. Янь Ци остановился у лестницы и задрал голову.

Дверь кабинета была закрыта.

Это было странно. Директор никогда не закрывал дверь плотно — всегда оставалась узкая щель, сквозь которую Янь Ци снизу мог разглядеть, чем тот занят.

Иногда читал. Иногда слушал английское радио. Иногда выводил иероглифы.

Чаще всего пил чай — оттого и пахло от него всегда по-разному: то крепким настоем, то лёгким ароматом.

Янь Ци начал подниматься — медленно, ступенька за ступенькой. Потратил минуты две, прежде чем добрался до третьего этажа. Встал перед кабинетом, перевёл дыхание, постоял. Поднял руку и постучал.

Тишина.

Он долго смотрел на ручку. Потом всё-таки взялся за неё и попробовал повернуть.

Заперто.

Уехал? В командировку?

Он такой старый — его вообще пускают на поезда и самолёты?

Янь Ци присел у двери, немного подумал и, ни на что не решившись, спустился обратно в спальню.

Прошло два-три дня. Он начинал нервничать.

Дети уже спрашивали то, о чём он и сам хотел спросить: куда делся директор Гао, почему не читает нам английские истории? Ответы учителя Ли были уклончивы, и Янь Ци, пожалуй, был единственным, кто это понял.

Он не любил лишних слов. Оставалось ждать.

Поэтому он всё так же сидел под деревом — якобы в тени, — и сидел, пока тень не поглотила весь двор. Летний вечер был тёплым, и если бы не учитель Ли, позвавшая его спать, он бы остался ещё дольше.

Почти неделя прошла — а о директоре Гао по-прежнему ни слова.

Ждать дальше было невозможно. Голова была занята только этим, и ни о каком поливе цветка думать не получалось.

Он снова встал перед дверью кабинета и постучал.

На этот раз изнутри отозвался знакомый женский голос.

Янь Ци вошёл.

За столом директора сидела учитель Ли. Она разбирала какие-то бумаги.

Он не подошёл ближе. Прищурился и долго смотрел на табличку.

Имя было простое — Ли Цзе. Все иероглифы он знал.

Директор Ли Цзе.

Янь Ци мысленно прочитал это. И ничего не сказал. И не услышал, что говорила ему учитель Ли.

Не хотел слышать.

Когда он повернулся к двери, в голове что-то глухо ухнуло.

Что-то внутри начало падать — медленно, неостановимо, — и от этого падения заболело всё тело.

<http://bllate.org/book/20076/2028365>